

С.С. Селеев, О.А. Моляренко

Человек с металлоискателем: типы ресурсов и практики их освоения¹

УДК 316.334.2, 316.324.22

Аннотация. Десятки тысяч людей в России имеют в личном пользовании металлоискатели и другое оборудование для поиска сокрытых в земле и под водой металлосодержащих предметов: старинных монет, военных артефактов, потерянных ювелирных украшений, залежей брошенных деталей советской сельскохозяйственной техники и проч. Для одних это развлечение и хобби, для других – основной источник дохода. В данной статье на основании результатов исследовательского проекта, охватившего информантов из 31 региона Российской Федерации, выделены виды приборного поиска, зафиксированы базовые типы объектов поиска, описаны локальные практики деятельности и рассмотрено законодательное регулирование в зависимости от типа добываемого ресурса.

Ключевые слова: черные копатели; нелегальная археология; освоение ресурсов; правовое регулирование; приборный поиск

Введение

Постсоветская трансформация государства, общества и хозяйственных укладов [Калугина, Фадеева, 2009; Фадеева, 2012] привела, помимо прочего, к сокращению рабочих мест в различных отраслях, снижению уровня заработной платы и ее задержкам, что, в свою очередь, вынудило людей заниматься поиском дополнительных источников самообеспечения и выживания. Одним из последствий политических, административных и экономических преобразований и «сжатия» (на какое-то время и ослабления) государства – его функций, степени присутствия в экономике, объёма распределяемых средств и контроля за инфраструктурой и территорией – стало появление новых ресурсов (с точки зрения наличия, доступности, возможности освоения населением) и формирование рынков для их сбыта. Этот процесс, подчеркнём, во многом опирался на правовые лакуны, законодательные коллизии и ослабление контроля за соблюдением нормативно-правовых актов.

¹ Источник финансирования: Фонд поддержки социальных исследований «Хомовники» (договор пожертвования № 2020 011-К).

Благодаря доступности технических устройств для подземного и подводного поиска² стали формироваться новые хозяйственные практики (или, как минимум, формы досуга).

Именно с широким распространением приборов-металлоискателей отечественные и зарубежные исследователи связывают рост с начала 2000-х гг. числа так называемых «черных копателей», занимающихся незаконными раскопками и поиском предметов старины на памятниках археологии, курганах, урочищах и кладбищах [Матренин, Панфилов, 2015. С. 36], а также на местах боев Первой и Второй мировых войн [Thomas, Deckers, 2021. P. 4].

Проблема нелегальных археологических раскопок, разграбления и уничтожения археологических памятников, продажи предметов культурно-исторического наследия довольно подробно и в схожем ключе освещается исследователями из разных стран [Walasek 2016; Ganciu, 2018; Gundersen, 2019; Hardy 2021; Бакумцев, 2020]. Российские авторы нередко делают акцент на рассмотрении законодательного регулирования сферы приборного поиска и проблем правоприменения [Мельниченко, 2018; Прохоров, 2018; Сатвалдиева, 2021] и указывают, в частности, на необходимость ограничения оборота металлоискателей [Баграмян, 2019].

В то же время такая сфера деятельности, как сбор металлолома³, в которой используются те же приборы для поиска, сформирована схожая организационная структура, нередко практикуются иные виды приборного поиска, остается практически вне поля зрения исследователей, несмотря на огромные масштабы. Так, по экспертным оценкам, объем рынка лома черных и цветных металлов в 2018 г. составил 1 трлн руб., а сборщики-физлица обеспечили 50% этого объема [Попов, 2021. С. 36]. И до 2021 г. включительно эти показатели только возрастали⁴.

² Главным образом металлоискателей, пинпойнтеров (ручные металлоискатели), поисковых магнитов (для заброса в водоемы) и гидрокостюмов.

³ Чаще всего осваиваются отвалы списанных деталей для сельскохозяйственной техники, брошенная инфраструктура промышленных предприятий, иные невостребованные «останки» советского наследия.

⁴ В 2021 г. поставлен рекорд по сбору лома черных металлов в России [Эл. ресурс]. URL: <https://ruslom.com/v-2021-godu-postavlen-rekord-po-sboru-loma-chernyh-metallov-v-rossii/>, (дата обращения: 12.01.2023).

Отсутствуют и исследования, в которых давалась бы исчерпывающая классификация видов приборного поиска и описывалась типология осваиваемых с их помощью ресурсов.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть деятельность «черных копателей» (в терминах представителей археологического сообщества) или, как они сами себя идентифицируют, «любителей приборного поиска», через призму присваивающего хозяйства, являющегося значимой частью экономики в сельских поселениях и небольших городах [Позаненко, 2018. С. 38–39].

Цель статьи – сформировать классификацию видов приборного поиска, описать типы осваиваемых ресурсов, продемонстрировать практики их освоения, а также рассмотреть законодательное регулирование разных видов поиска.

Эмпирическую базу исследования составили интервью, проведенные во время полевых выездов в 13 регионов РФ: Брянскую, Волгоградскую, Воронежскую, Калужскую, Липецкую, Самарскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую, Тамбовскую и Ульяновскую области, Республику Татарстан, республику Калмыкия.

Поиск респондентов в специализированных сообществах в социальных сетях [Тузбеков, 2019] и проведение онлайн-интервью позволили расширить географию респондентов за счет Белгородской, Вологодской, Иркутской, Кировской, Курганской, Ленинградской, Нижегородской, Орловской, Саратовской, Свердловской, Томской областей, Краснодарского, Пермского, Приморского, Хабаровского краев, г. Санкт-Петербурга, Кабардино-Балкарской, Чеченской республик, Республики Крым.

Всего в ходе проекта было взято 75 полуструктурированных интервью: 48 – с копателями, 11 – с археологами и музейными работниками, 2 – со служащими департаментов культуры, отвечающими за борьбу с копателями, 4 – с оценщиками и реставраторами, 4 – с продавцами антиквариата и аукционистами, 2 – с продавцами инструментов для поиска и 4 – с сотрудниками пунктов приема металлов.

Виды поиска и типы осваиваемых ресурсов

Процесс поиска в земле или в воде сами его участники называют «копом», а себя именуют «копателями». Набор оборудования для «копа» может отличаться в зависимости от того, каким видом поиска занимается человек, но базово включает в себя металлоискатель и лопату.

Опрошенные археологи и копатели, начавшие работать в 1980-е-1990-е гг., отмечают, что массово заводские металлоискатели стали поступать в Россию в конце 1990-х гг., а доступными по стоимости стали к середине 2000-х.

«Если не считать армейских миноискателей, то первый заводской металлоискатель я увидел в 2002 году. Был у нас один товарищ, который купил его в Москве. Тогда это редкость была у нас [в Твери – прим. авт.]. Это году к 2005-му они массово пошли, никого не удивить уже было» (Алексей, копатель по старине, 54 года).

В этот же период окончательно сформировались организационные практики и оформились основные виды приборного поиска, которые можно выделить, исходя из того, на что нацелен поиск.

1. По старине – поиск предметов старины.

Зародился в 1990-е гг., когда появился спрос и начали формироваться рынки сбыта антикварных вещей и предметов старины, в том числе экспортные.

До появления заводских металлоискателей основными локациями, в которых искали старинные вещи, были чердаки и подвалы старых домов, кладбища, а также археологические памятники (городища, курганы, могильники и пр.), на которых работали преимущественно люди со специализированными навыками.

С появлением дешевого поискового оборудования количество копателей резко увеличилось, пространством поиска стали поля и леса, на территории которых когда-то располагались поселения.

Внутри сообщество делится по степени соблюдения закона и внутренних неформальных правил на «черных», «серых» и «белых» копателей.

Внутри этого типа приборного поиска существуют разновидности, имеющие свои отличительные особенности: полевой, лесной, чердачный, подвальный, шурфовка фундаментов и домовых ям. Поиск проводится на территории археологических памятников, на месте бывших и действующих поселений, трактиров, почтовых станций и т.д.

2. По войне – поиск военных артефактов, оставшихся на местах боевых действий, прежде всего Великой Отечественной войны (поиск артефактов военных событий более ранних периодов корректнее отнести скорее к поиску предметов старины).

Развился из волонтерского поиска погибших солдат в СССР появившегося в конце 1960-х гг. [Смерти нет..., 2020]. Копатели такого профиля появились во второй половине 1980-х, а активно начали действовать уже после развала СССР. Они именуются внутри сообщества «трофейщиками» или «черными следопытами» в противовес официальным поисковикам – «красным следопытам»: «Понимаешь, сейчас все смешалось, одно время было довольно четкое деление: “красные” следопыты и “черные” – трофейщики. А сейчас очень многие “черные” перешли в отряды “красных”, одной рукой они медальоны могут искать, другой – “хабар”⁵ притыривать...» [Смерти нет..., 2020. С. 508]. Поиск при таком копе проводится на местах боевых действий, в том числе и в труднодоступной местности: в болотах, в поймах небольших рек, глубоко в лесах.

3. По металлу (металлокоп) – поиск черных и цветных металлов.

После развала СССР и банкротства многих предприятий на их фактически бесхозных территориях осталось много черных и цветных металлов. Поверхностный металл был быстро собран и сдан в пункты приема. С появлением дешевых металлоискателей началось освоение подземных запасов. Взрывной рост количества «металлокопщиков» произошел во второй половине 2010-х гг. в связи с ростом цен на металлы.

Поиск проводится на территориях бывших промышленных предприятий, машинно-тракторных станций, полевых станков и кузниц, в полосе отвода железных дорог, то есть в местах, где когда-либо были возможны складирование или сброс изделий из металла.

4. Пляжный или подводный – поиск ценностей на пляжах и в местах купания.

Пришел в Россию из Европы и США в начале 2000-х гг. Для поиска в воде необходим герметичный металлоискатель и скуб – специальный короб для просеивания песка. Респонденты отмечают, что в период зарождения этого вида поиска находок в местах отдыха было очень много, а после холодного лета 2017 г. количество потерянных предметов резко сократилось. Существует также специфика морских водоемов – в отличие от пресных,

⁵ «Хабар» на сленге копателей – находки, добыча.

море после штормов может выбрасывать на берег предметы, которые находились непосредственно под водой.

Степень экономической вовлеченности копателей в процесс приборного поиска может быть различной: от простого хобби⁶, не приносящего никакого дохода, до полной занятости. Респонденты отмечают, что «с копа» по металлу и пляжного поиска можно зарабатывать неплохие деньги и полностью себя обеспечивать. В других видах приборного поиска доминирует мотив дополнительного заработка либо они рассматриваются исключительно как хобби.

«Я знаю несколько человек, которые занимаются исключительно поиском металлолома. Здесь у нас [Поволжье – прим. авт.] есть парень, который нигде никогда ни дня не работал. Он за мягкий сезон успевает заработать на металле достаточно денег, чтобы зимой просто сидеть дома. А вот только с копа по старине или по войне сейчас жить не получится. Раньше можно было» (Юрий, копатель по старине, 58 лет).

Возможно также совмещение разных видов приборного поиска одним копателем, причем наиболее часто встречается сочетание одного из видов с металлокопом: попутный сбор металлолома позволяет компенсировать затраты на питание и топливо во время выезда. Отмечаются переходы из одного вида поиска в другой с течением времени. Например, когда выбранный вид надоедает и хочется попробовать что-то новое.

Можно сформировать следующую типологию ресурсов, осваиваемых в рамках приборного поиска.

Предметы старины – старинные монеты, орудия труда и оружие, украшения, любые предметы быта (посуда, стеклотара, инструменты, игрушки), газеты.

Сбыт находок проводится через разделы на специализированных копательских форумах, аукционы в социальных сетях и на сайтах-аукционах, а также через антикварные лавки и знакомых перекупщиков. Открыто продаются только малоценные и массовые вещи. Чем ценнее найденный предмет, тем выше вероятность, что его продажа будет осуществляться исключительно через знакомых перекупщиков.

⁶ По меткому выражению ульяновского исследователя Александра Павлова, хобби в данном контексте – это «утилизация свободного времени».

Военные артефакты – оружие, амуниция, награды, украшения, предметы быта (стеклотара, тюбики и прочее).

Сбыт осуществляется через форумы и аукционы, знакомых антикваров, через блошинные рынки. Респонденты отмечают, что в 1990-е гг. исправные образцы оружия приобретали охотники. А с начала 2000-х гг. до настоящего времени особую категорию покупателей составляют реконструкторы.

Металлы – любые черные и цветные металлы, причем отдельные образцы, например, толстый крепкий металл, запасные части для тракторов и сельскохозяйственной техники могут продаваться как «деловой металл», то есть как изделие, дороже, чем по весу. Сбыт лома производится в пунктах приема металла, а «деловой металл» продается знакомым или через «Авито».

Пляжные ценности – украшения, старинные и современные⁷ монеты.

Сбыт проводится чаще всего в конце сезона знакомым ювелирам или в ломбарды, а отдельные предметы могут продаваться через аукционы на форумах или в социальных сетях.

Прочие – попутные локальные ресурсы, которые могут добывать копатели. Например, в ряде случаев респонденты рассказывали, что в тех же местах, где искали предметы старины, добывали «царские» кирпичи, или выкорчевывали каменные надгробия со старых кладбищ.

Подобная работа чаще всего осуществляется по целенаправленному заказу. Реже сбыт может проводиться через «Авито».

Отдельный вид ресурса, который не укладывается в общую парадигму присваивающего хозяйства, но который также хотелось бы отметить – **финансовый**. Осваивают его через создание и развитие каналов на «YouTube» и «Яндекс-Дзен». Заработок блогеров-копателей зависит от количества подписчиков и качества контента. За просмотры и их продолжительность платформы начисляют монетизацию, а фирмы-производители и магазины поискового оборудования заказывают рекламу и присылают авторам на тестирование различное оборудование.

Типы осваиваемых ресурсов определяются в значительной степени видом поиска и местом жительства копателя.

⁷ Современные монеты на сленге копателей называются «ходячками», то есть находящимися в обороте, в хождении.

«У нас подо Ржевом многие войну копают. Вот и я с этого начинал. Хотя сохран вещей тут “ржевский”, оставляет желать лучшего. Почвы плохие» (Вячеслав, копатель по войне, копатель по старине, 51 год).

Соответственно, добыча тех или иных ресурсов, специфичных для места жительства копателя, порождает накопление знаний по тому или иному виду ресурса или историческому периоду и формирует его специализацию.

«Я вот, например, в монетах царского периода не шарю. Так, поверхностно. По царям здесь [на юге России – прим. авт.] практически ничего нет. У нас тема другая – скифы, сарматы, греки, римляне, аланы. Они сюда если придут [поисковики из центральной России – прим. авт.], то не поймут наши находки» (Александр, копатель по старине, пляжный поиск, 54 года).

В сообществе действуют неформальные правила, например, нужно обязательно закапывать за собой ямки, не поощряется поиск на памятниках археологии и кладбищах. Большинство респондентов, по крайней мере, на словах, поддерживают эти правила. При этом решение о том, следовать им или нет, принимает сам копатель.

«Мое отношение к кладбищам простое. У меня на войне погибло три деда. Поэтому не вижу никакой беды в том, что люди, которые пришли нас уничтожить, сами полегли здесь в сырую землю, и поживиться их наградами, потревожить их никем не прощенный прах считаю вполне нормальным» (Евгений, копатель по войне, 54 года).

Регулирование и правоприменительная практика

Законодательное регулирование в отношении найденных кладов в России впервые оформилось при Петре I. В случае, если «воры и разбойники, а также крестьяне и из других чинов» на допросе рассказывали о том, что им известно о каких-либо кладках, то об этом должны были сообщать, кому этот клад «надлежит», то есть на чьей земле располагается⁸.

⁸ Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии. 1830. 714 с.

Положения о том, что «все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся», включая клады, принадлежат тому, на чьей земле они найдены, были закреплены в указе Екатерины II от 28 июля в 1782 г.⁹ и с дополнениями в нормативных документах 1803 и 1832 гг., когда сначала запретили кому-либо выкапывать клады без ведома хозяина земли, а потом уточнили понятие «клад» – «сокрытое в земле или строении сокровище», эта норма сохранялась до 1917 г.

Раннесоветский период характеризуется значительным количеством найденных денежных и вещевых кладов, которые оставляли бежавшие от Гражданской войны и большевиков граждане. Например, до середины 1920-х гг. в различных частях СССР нередко были случаи обнаружения изделий из благородных металлов, драгоценных камней, золотых и серебряных монет, банкнот и ценных бумаг¹⁰.

В соответствии с декретом Совета народных комиссаров от 3 февраля 1920 г. все валютные ценности непосредственно направлялись в Народный комиссариат финансов (НКФ) без вознаграждения сдававшему¹¹. Но, как известно из архивной переписки НКФ, власти через некоторое время осознали, что более полному выявлению ценностей, скрытых во время Гражданской войны, «могло бы способствовать установление в законодательном порядке процентного отчисления и премиального вознаграждения открывателю»¹².

По этим соображениям НКФ инициировал в 1926 г. принятие закона, установившего как порядок сдачи клада государству, так и размер вознаграждения за обнаружение и сдачу клада – 25% от стоимости¹³. Эти нормативы поменялись только в 1994 г., когда за сданный клад стали выдавать 50%¹⁴.

⁹ Манифест о распространении права собственности владельцев земли на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся [Эл. ресурс]. URL: <https://law.wikireading.ru/1410> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 7. Д. 757. Л. 4.

¹¹ Декрет Совета народных комиссаров от 03.02.1920 № 69 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2576954> (дата обращения: 12.01.2023).

¹² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 7. Д. 757. Л. 5.

¹³ Кодекс РСФСР от 11.06.1964 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3/page/6> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁴ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9b86dee7016d8fc633a322e0541683e964042979/ (дата обращения: 12.01.2023).

С точки зрения действующего законодательства деятельность копателей может квалифицироваться тройким образом: быть *полностью вне закона*, *находиться в серой зоне* и *полностью в рамках закона*. Все зависит от того, каким видом приборного поиска и как заниматься. Более того, возможны варианты, когда все три позиции сочетаются в деятельности одного копателя.

Поиск по старине регламентируется статьей 243.2 УК РФ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия...», в рамках которой наказывают за проведение поиска на территориях памятников археологии и за нарушение культурного слоя, в котором содержатся находки возрастом свыше 100 лет; статьей 226.1 УК РФ «Контрабанда ...культурных ценностей...», наказание по которой наступает за попытку продажи ценностей с целью вывоза за границу; а также статьями 7.15 КоАП РФ «Проведение археологических полевых работ без разрешения» – в случаях, если копатели пойманы с металлоискателем на руках во время поиска, и 7.15.1 КоАП РФ «Незаконный оборот археологических предметов» – в случае попытки продажи найденных предметов.

Однако реальных уголовных и административных дел по указанным статьям мало [Тузбеков, 2020. С. 65]. В значительной степени это связано с тем, что целенаправленной работой в отношении копателей не занимаются ни МВД, ни ФСБ, а возбуждение дел носит ситуативный характер, например, по особо резонансным случаям: при попытках продажи особо ценных находок (особенно за границу) и т.п.

Поиск по войне регулируется ведомственными приказами Министерства обороны РФ, на которое возложена обязанность «в сфере увековечения памяти погибших»¹⁵. Но это касается только официально зарегистрированных поисковых отрядов. Тем не менее отдельные копатели-«трофейщики», чтобы избежать лишних вопросов «на копе», могут регистрировать небольшие поисковые отряды. Привлечение копателей к уголовной ответственности в поиске по войне наступает по статье 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия,

¹⁵ Законодательство РФ о поисковой работе [Эл. ресурс]. URL: <https://sporf.ru/poleznaja-informacija/zakony-rf-o-poiske/zakonodatelstvo-rf-o-poiskovoj-rabote/> (дата обращения: 12.01.2023).

боеприпасов» в тех случаях, когда их задерживают с оружием, взрывчаткой или патронами¹⁶.

Поиск металла (металлокоп) непосредственно законодательно не регулируется. Но привлечение копателей к ответственности возможно по статье 158 УК РФ «Кража» в тех случаях, когда поиск и сбор металла проводятся на земельных участках или в зданиях, которые имеют собственника. Особенно показательны в этом плане уголовные дела за «металлокоп» в полосе отвода железных дорог¹⁷, в рамках которых копатели могут получать от условного до реального наказания сроком 1–3 года. Частые кражи металла в сельской местности приводят к тому, что местные жители в дальнейшем негативно реагируют на любых незнакомых людей с металлоискателями и незамедлительно вызывают участкового.

Пляжный или подводный поиск – не ограничен законодательно, если только не производится на территории памятника археологии или частной территории без разрешения собственника.

В 2020 г. прокатилась волна попыток возбуждений уголовных дел против владельцев «Youtube»-каналов, посвященных приборному поиску. На основании их собственных роликов им пытались вменить в вину осуществление незаконной археологической деятельности. Известно около десятка случаев, которые в дальнейшем развалились в суде из-за отсутствия состава преступления.

«Адвокат почитал материалы прокуратуры: “Они что там, идиоты?” Ну, прошло заседание, я упирал на то, что все это рекламная продукция, постановка, все продается в открытом виде. Ну, и судья прокурору говорит уж в открытую: “Ты что, дурак? Тут никакого состава нет. Закрывай дело”. В итоге через две недели прокурор извинился» (Евгений, копатель по старине, блогер, 47 лет).

Кейс Болгар

В обычном случае ресурсы, доступные для приборного поиска, распределяются по территории условно равномерно: где-то

¹⁶ Приговор № 1–414/2020 от 20 июля 2020 г. по делу № 1–414/2020 [Эл. ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eM4mXR2Rf1HW/> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁷ Приговор № 1–177/2018 1–20/2019 от 24 июля 2019 г. по делу № 1–177/2018 [Эл. ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y4hCoJ9y2lIz/> (дата обращения: 12.01.2023).

шла война и осталось большое количество вещей того периода, где-то встречаются богатые на находки пляжи, где-то большие «залежи» металлов – наследие советских предприятий, колхозов и лесопунктов, где-то в древности шли торговые пути, было много старинных поселений.

Но встречаются такие места, в которых сконцентрированы практически все описанные типы ресурсов, и присутствуют они в значительных количествах. В подобных населенных пунктах местные жители еще с советских времен без всяких приборов десятками и сотнями находили старинные монеты, предметы быта, украшения. Иногда такие находки сдавали в музеи, но большую часть просто оставляли у себя – до начала 1990-х продать их было некому.

Причина ресурсного изобилия подобных мест – сочетание природных особенностей и длительного антропогенного воздействия. В частности, на Средней Волге есть несколько районов, в которых люди селились на протяжении многих сотен лет (иногда – с доисторической эры): окрестности города Бóлгар в Республике Татарстан, поселок городского типа Старая Майна и соседние населенные пункты в Ульяновской области, территории, граничащие с национальным парком «Самарская Лука» в Самарской области.

Сама река и контроль над ней обеспечивали многолетнее процветание этих поселений. Создание в этой местности в середине XX века Куйбышевского водохранилища привело к тому, что часть старинных городов и сел оказались в зоне затопления и были перенесены в другие места. Река стала размывать и выбрасывать на поверхность то, что копилось тысячелетиями. Рассмотрим более подробно, каким образом эти процессы происходили в окрестностях современного города Бóлгар.

Удачное расположение на возвышенности вблизи слияния Волги и Камы позволяло поселениям, наиболее ранние из которых фиксируются с эпохи неолита, контролировать судоходные и торговые пути, получать доход от рыболовного промысла и перевозок зерна. В частности, в дореволюционное время крупным центром торговли, мелкой промышленности и судоремонта был город Спасск (впоследствии оказавшийся в зоне затопления Куйбышевского водохранилища и перенесенный на территорию села Бóлгар). Наслоение материальной культуры различных эпох

фиксирувалось археологами еще с дореволюционных времен, но в полной мере оно проявилось после наполнения водохранилища в конце 1950-х гг. В этот период в акватории Волги образовались многочисленные острова, берега начали размываться и выносить на поверхность ценности.

«Монет очень много было [речь о 1975–1980-х гг. – прим. авт.]. Река постоянно работает и постоянно вымывает. Я тоже собирал. Серебришко выберу, а пятаками, десятками екатерининскими-николаевскими пускали блинчики по воде. Они большие, тяжелые, прикольно было. И вот ты идешь по берегу – и смотришь, что тебе волна нагнала. Мы любили ходить после сильного дождя. Особенно по глине – она же тяжело смывается. В ней же самая высокая сохранность монет – без доступа кислорода» (Сергей, копатель по старине, 59 лет).

Монеты стояли в домах у сельских жителей ведрами. Продать их было некому, в музеи сдавали только отдельные уникальные вещи, так что их сбор и хранение воспринимались как развлечение – они демонстрировались как местная диковинка приезжающим в гости друзьям и родственникам. Продажа этих находок началась уже в 1990-е, когда в этих местах появились первые скупщики.

«В деревню начали приезжать люди и интересоваться этими монетами. Сначала это были единичные случаи, потом это массовый характер приобрело. Причем специалистов среди них было мало. Например, некоторые медные монеты стоят дороже серебряных, а они сначала выгребали серебро, потом крупные номиналы, потом уже что оставалось. Я сам с ними общался. В 1990-е у меня дела что-то шли хреново, а была у меня пятирублевка золотая Николая II в очень хорошем состоянии. Вот эту пятерку я продал что-то за 500 рублей. Стоимость телевизора советского тогда» (Сергей, копатель по старине, 59 лет).

При этом, несмотря на огромное количество монет, среди которых были и очень ценные экземпляры, никто из местных жителей не заработал на их продаже «состояния». На вырученные деньги покупали какие-то бытовые вещи и одежду, а периферически находки уходили бесплатно.

«Вот был у нас один мужик, прижимистый такой. Припрятывал по разным местам: тут в чугушке, там – в бане, здесь – в ведре. Ну, приехали одни, подпоили его и выгребли несколько

ведер рублей, полтинников» (Алексей, копатель по металлу 62 года).

Кроме того, если в советское время какую-то, пусть и не до конца понятную для местных жителей ценность представляли из себя только монеты, то в 1990 -е гг. появился интерес к металлу, которого на образовавшихся после заполнения водохранилища островах было очень много, а также к «царскому» (дореволюционного производства) кирпичу, который использовался в личном хозяйстве и шел на продажу.

«Кирпич активно вывозился с островов и отмелей на больших рыбацких лодках. Очень пользовался спросом. И сейчас легко по виду здания определить царский и советский кирпич: если обломался, крошится, то советский. Царский стоит и еще тысячу лет простоит, ничего ему не будет. Он всегда в цене» (Евгений, историк, 53 года).

Тогда же на лодках начали вывозить черные и цветные металлы, причем пик вывоза пришелся на засушливый 2010 г., когда появилась возможность проехать к островам на грузовых автомобилях.

«Вот в 2010 году, когда была сильная засуха и Волга ушла на 4 метра, открылся сухопутный путь на острова. А там был судоремонтный завод в свое время. Оттуда тащили мощно: 12 “камазов” металла вывезли. После 2010 года это всем понравилось – цена тогда была пусть и небольшая, но брали объемами. Сейчас уже, конечно, не так массово это все – невыгодно на лодке вывозить, лодку близко не подведешь, плюс металл уже неликвидный остался» (Алексей, копатель по металлу, 62 года).

Еще одним типом ресурса, который осваивался на островах со второй половины 1990-х гг., стали старинные гранитные и мраморные кладбищенские надгробия. Вывозились они приезжими, не местным населением, под заказ и с использованием специальной техники.

«Там [на острове] были захоронения купцов I и II гильдии. Какой, на хрен, деревенский мужик и на чем будет вывозить? Нужна техника. А тут даже лодок таких не было. И куда в деревне ты вывезешь? Если привезешь, то огласка сразу будет, все узнают. Понятно, что пришлые в город везли – отшлифовали, перебили, продали. Те, кто вывозил, и могилы копали в поисках ценностей» (Сергей, копатель по старине, 59 лет).

Несмотря на то, что сейчас появились самые разнообразные приборы для поиска под землей и под водой, о былом количестве находок остались только воспоминания. Тем не менее отдельные дорогостоящие находки продолжают попадаться – «река постоянно работает».

Заключение

С одной стороны, часть копателей подчеркивает, что легкодоступные для освоения ресурсы (залегающие близко к поверхности на земельных участках вблизи автомобильных дорог) за годы «бума металлокопа» были практически освоены. С другой стороны, геологические и гидрологические процессы (например, эрозия почв) и хозяйственная деятельность человека (обработка полей, застройка) постоянно вскрывают новые артефакты предшествующих эпох. К тому же археологи указывают, что территория России является практически неразведанной в этом смысле, полноценные археологические работы часто не проводились даже в исторических центрах крупных городов, не говоря уже о сельской местности.

В сообщество вовлекаются молодежь и новые копатели – как посредством «сарафанного радио», так и заинтересовавшиеся данной сферой после просмотра «YouTube-каналов», причем мотив дополнительного заработка в современных условиях становится даже более актуальным.

По организационным формам, отношению государства, вовлечению населения и проч. освоение антропогенного железосодержащего следа оказывается чрезвычайно схожим с хозяйственными практиками населения в отношении природных ресурсов (практиками неформального и нелегального природопользования). Так, и «на коп», и на сбор грибов и дикоросов или рыбалку можно выезжать как в одиночку, так и компанией, при этом кто-то довольствуется минимальным необходимым оборудованием (металлоискатель и лопата / удочка и снасти), а кто-то предпочитает высокотехнологичное оснащение (как и для, например, нелегальной добычи янтаря в Калининградской области). И «коп», и охота могут нарушать правовые нормы вплоть до уголовных и преследоваться государством (например, незаконный поиск предметов старины на археологических памятниках или браконьерство в отношении животных, занесенных

в Красную книгу). И «коп», и добыча золота или самоцветов могут реализовываться в артельном формате с предварительным проведением исследовательских изысканий (анализ разного рода карт и исторических документов).

Всё это позволяет заключить, что с точки зрения собирательских промысловых практик антропогенные останки предшествующих эпох можно поставить в один ряд с природными ресурсами – дикоросами, рыбой и зверем, драгоценными и полудрагоценными камнями и проч.

Литература

Баграмян С.Л. Нормативно-правовое регулирование оборота технических средств поиска предметов как мера профилактики преступлений, связанных с незаконной деятельностью в области археологии // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 9. С. 75–79.

Бакумцев К.М. К проблеме сохранения памятников археологического наследия в Восточном Предкамье // LI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 416–418.

Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 2009. 338 с.

Матренин С.С., Панфилов Д.П. Теория и практика борьбы с «черной археологией» в России // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2015. № 21. С. 35–41.

Мельниченко Н.Н. Преступления против археологического наследия: понятие и система (ст. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 133–137.

Позаненко А.А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 31–55. DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–4–31–55

Попов Е.А. Отрасль лома черных и цветных металлов в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Стратегии развития. 2021. Т. 9. № 2. С. 35–41. DOI: 10.17747/2311–7184–2021–2–35–41

Прохоров Л.А. К вопросу об общественной опасности посягательств на археологическое наследие России как основании их криминализации // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья

населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VII Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт. 2018. С. 22–28.

Сатвалдиева К.Ф. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Информационные технологии как основа эффективного инновационного развития: сб. статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна. 2021. С. 155–161.

Смерти нет. Краткая история неофициального военного поиска в России. М.: Common place. 2020. 672 с.

Тузбеков А. И. Социальные сети как ресурс в исследовании деятельности «кладоискателей» (пример Республики Башкортостан) // Социодинамика. 2019. № 12. С. 126–133. DOI: 10.25136/2409–7144.2019.12.31139.

Тузбеков А. И. Деятельность «черных копателей» в Республике Башкортостан (по данным анализа интернет-сообществ в 2020 г.) // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 4. С. 64–71.

Фадеева О. П. Трансформация хозяйственных укладов и потенциал самоорганизации сельских сообществ // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей / Под ред. Никулина А. М. М.: Дело. 2012. С. 15–43

Ganciu I. Heritage for sale! The role of museums in promoting metal detecting and looting in Romania // Heritage. 2018. Vol. 1. № 2. Pp. 437–452. DOI: 10.3390/heritage1020029.

Gundersen J. No Room for Good Intentions? Private Metal Detecting and Archaeological Sites in the Plow Layer in Norway. Competing Values in Archaeological Heritage. Springer. 2019. Pp. 125–138. DOI: 10.1007/978–3–319–94102–8_9

Hardy S. A. It is not against the law, if no-one can see you: Online social organisation of artefact-hunting in Former Yugoslavia // Journal of Computer Applications in Archaeology. 2021. Vol. 4. № 1. Pp. 169–187. DOI: 10.1017/S0940739121000084

Thomas S., Deckers P. «And now they have taken over»: hobbyist and professional archaeologist encounters with the material heritage of the First World War in western Belgium // International Journal of Heritage Studies. 2022. Vol. 28. № 1. Pp. 1–15. DOI: 10.1080/13527258.2020.1858142.

Walasek H. Bosnia and the Destruction of Cultural Heritage. Routledge. 2016. P. 430. DOI: 10.4324/9781315569789

Статья поступила 28.03.2023

Статья принята к публикации 02.04.2023

Для цитирования: *Селеев С. С., Моляренко О. А.* Человек с металлоискателем: типы ресурсов и практики их освоения // ЭКО. 2023. № 6. С. 103–121. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-103-121

Информация об авторах

Селеев Сергей Сергеевич (Москва) – кандидат исторических наук, эксперт Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники».

E-mail: sseleev@gmail.com; ORCID: 0000–0002–3741–6507

Моляренко Ольга Андреевна (Москва) – кандидат социологических наук, доцент, Департамент политики и управления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: omolyarenko@hse.ru; ORCID: 0000–0002–0488–8305

Summary

S.S. Seleev, O.A. Molyarenko

Man with a Metal Detector: Types of Resources and Practices of Their Utilization

Abstract. Dozens of thousands of people in Russia have their own metal detectors and other equipment to search for metal objects hidden in the ground and under water: ancient coins, military artifacts, lost jewelry, piles of abandoned parts of Soviet agricultural machinery, and so on. For some it is entertainment and a hobby, for others it is the main source of income. This paper, based on the results of a research project that covered informants from 31 regions of the Russian Federation, identifies types of instrumental search, fixes the basic types of exploited resources, describes local practices of activity and examines the legislative regulation depending on the type of resource extracted.

Keywords: *black diggers; illegal archaeology; resource development; legal regulation; instrumental search*

References

Bagramyan, S.L. (2019). Regulatory and legal regulation of the turnover of technical means of searching for objects as a measure of prevention of crimes related to illegal activities in the field of archeology. *Obshhestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 9. Pp. 75–79. (In Russ.).

Bakumcev, K.M. (2020). On the problem of preservation of archaeological heritage monuments in the Eastern Kama region. *LII Uralo-Povolzhskaya arheologicheskaya konferenciya studentov i molodykh uchyonnykh (UPASK)*. Perm: Permskij gosudarstvennyj nacionalnyj issledovatel'skij universitet. Pp. 416–418. (In Russ.).

Fadeeva, O.P. (2012). Transformation of economic structures and the potential of self-organization of rural communities. *Second Russia: Differentiation and Self-organization. A Collection of Research Articles* (ed. Nikulin A. M.). Moscow. Delo. Pp. 15–43. (In Russ.).

Ganciu, I. (2018). Heritage for sale! The role of museums in promoting metal detecting and looting in Romania. *Heritage*. Vol. 1. No. 2. Pp. 437–452. DOI: 10.3390/heritage1020029

Gundersen, J. (2019). No Room for Good Intentions? Private Metal Detecting and Archaeological Sites in the Plow Layer in Norway. *Competing Values in Archaeological Heritage*. Springer. Pp. 125–138. DOI: 10.1007/978-3-319-94102-8_9.

Hardy, S.A. (2021). It is not against the law, if no-one can see you: Online social organization of artefact-hunting in Former Yugoslavia. *Journal of Computer Applications in Archaeology*. Vol. 4. No. 1. Pp. 169–187. DOI: 10.1017/S0940739121000084

Kalugina, Z.I., Fadeeva, O.P. (2009). *Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches*. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN. P. 338. (In Russ.).

Matrenin, S.S., Panfilov, D.P. (2015). Theory and practice of combating «black archeology» in Russia. *Sokhranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altajskogo kraja*. No. 21. Pp. 35–41. (In Russ.).

Melnichenko, N.N. (2018). Crimes against archaeological heritage: concept and system (art. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 Criminal Code of the Russian

Federation). *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. No. 4. Pp. 133–137. (In Russ.).

Popov, E.A. (2021). Ferrous and non-ferrous metals scrap industry in Russia: status, problems and prospects of development. *Business strategy*. Vol. 9. No. 2. Pp. 35–41. (In Russ.). DOI: 10.17747/2311–7184–2021–2–35–41

Pozanenko, A. (2018). «A Separate Little Republic»: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities. *Mir Rossii*. Vol. 27. No. 4. Pp. 31–55. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811–038X–2018–27–4–31–55

Prokhorov, L.A. (2018). On the question of the public danger of encroachments on the archaeological heritage of Russia as the basis of their criminalization. *Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya bezopasnosti zdorovya naseleniya, obshchestvennoj pravostvennosti i inykh socialno znachimyx interesov: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Krasnodar: Kubanskij socialno-ekonomicheskij institut. Pp. 22–28. (In Russ.).

Satvaldieva, K.F. (2021). Topical issues of criminal law protection of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the places of occurrence. *Informacionnye texnologii kak osnova effektivnogo innovacionnogo razvitiya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ufa: «Aeterna». Pp. 155–161. (In Russ.).

There is no death. A brief history of the unofficial military search in Russia (2021) Moscow: Common place. P. 672. (In Russ.).

Thomas, S., Deckers, P. (2022). «And now they have taken over»: hobbyist and professional archaeologist encounters with the material heritage of the First World War in western Belgium. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 28. No. 1. Pp. 1–15. DOI: 10.1080/13527258.2020.1858142

Tuzbekov, A.I. (2019). Social networks as a resource in the study of the activities of «treasure hunters» (example of the Republic of Bashkortostan) // *Sociodinamika*. No. 12. Pp. 126–133. DOI: 10.25136/2409–7144.2019.12.31139

Tuzbekov, A.I. (2020). The activity of «black diggers» in the Republic of Bashkortostan (according to the analysis of Internet communities in 2020). *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN*. No. 4. Pp. 64–71. (In Russ.).

Walasek, H. (2016). *Bosnia and the Destruction of Cultural Heritage*. Routledge. P. 430. DOI: 10.4324/9781315569789

For citation: Selev, S.S., Molyarenko, O.A (2023). A Man with a Metal Detector: Types of Resources and Practices of their Elaboration. *ECO*. No. 6. Pp. 103–121. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-103-121

Information about the authors

Selev, Sergei Sergeevich (Moscow) – Candidate History Sciences, Expert of the Foundation for the Support of Social Researches «Khamovniki».

E-mail: sselev@gmail.com; ORCID: 0000–0002–3741–6507

Molyarenko, Olga Andreevna (Moscow) – Candidate Sciences Sociology, Associate Professor, Department of Local Administration, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University.

E-mail: omolyarenko@hse.ru; ORCID: 0000–0002–0488–8305